

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06: - археология
КОРОБОВА Дмитрия Сергеевича по теме:
«Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины)»
Москва: ИА РАН, 2014. 57 с.

В рассматриваемом автореферате отражено серьезное, глубокое и обстоятельное, насыщенное конкретикой, оригинальными авторскими обобщениями и выводами научное исследование монографического характера. Оно посвящено актуальной, сложной и пока мало разработанной теме комплексного изучения раннесредневековых бытовых памятников и объектов хозяйственной деятельности с привлечением данных синхронных могильников с целью объективного представления системы расселения аланских этносоциальных сообществ центральных районов Северного Кавказа на примере Кисловодской котловины. Автор абсолютно прав, когда подчеркивает явно выраженную непропорциональность внимания ученых к исследованию погребальных и поселенческих археологических объектов и каждая серьезная разработка материалов бытовых комплексов ценна уже потому, что она содействует преодолению этого отрицательно сказывающегося на полноте и целостности научной информации дисбаланса. Следует согласиться с Д.С. Коробовым и в том, что его исследование является первым по охвату многочисленных и разнородных источников и по детальному междисциплинарному подходу к поставленной теме с применением методов ГИС-анализа и ландшафтной археологии. В этом, в определяющей мере заключается актуальность и научное значение диссертации.

Объект, основная конечная цель и часть конкретных задач исследования связаны с воссозданием, рассмотрением характера и эволюции системы расселения аланских племен в указанный период и в очерченном территориальном пространстве низко-среднегорного ландшафта, явно

накладывавшего существенный отпечаток на изучаемую систему. В качестве научного предмета выступает комплекс поселенческих памятников и объектов с зонами их ресурсного обеспечения. Цели и задачи работы сформулированы четко и конкретно, согласуются с ее темой, положениями, выносимыми на защиту, и полученными результатами. Среди задач выделяются прикладные и экспериментальные, связанные с классификацией, хронологическим определением, моделированием особенностей, состава населения, пространственно-ресурсных структур, выяснением других качественных характеристик бытовых объектов Кисловодской котловины I тысячелетия н.э. и окружающих их природно-социальных систем. Полученный таким путем опытный материал подвергается анализу и используется для последующих взвешенных обобщений и выводов.

При определении географических границ (с. 3) автор использует распространенный в археологической литературе термин «Центральное Предкавказье» в применении к Кисловодской котловине и соседним горным районам региона. Правильность такого подхода ставилась под сомнение рядом специалистов, считающих Центральным Предкавказьем предгорно-равнинный массив Ставропольской возвышенности без основной части региона Кавминвод, и, тем более, горной зоны современных республик центральных районов Северного Кавказа. Данная точка зрения не является окончательно победившей в научных дискуссиях, и поэтому позиция Д.С. Коробова может быть оправданной с определенными оговорками.

Хронологические рамки установлены обоснованно. Четко не прояснено только, куда отнести IX век, исключенный из границ раннего средневековья, и не причисленный к следующему «государственному периоду аланской культуры» (с. 4, 7 и далее).

Как уже отмечалось, основную источниковую базу исследования представляют собой археологические поселенческие материалы. Но и другие виды источников, включая письменную традицию, не обойдены вниманием в

работе, в частности, редкий и важный по объему информации труд «Армянская география» VII в. н.э.

Детально, аргументировано и доходчиво Д.С. Коробов характеризует новизну своей работы, заключающуюся в проведении уникальных по охвату объектов, продолжительности и детальности разведочно-раскопочных работ на бытовых памятниках района, применению передовых научных методик зарубежной и отечественной науки, разнообразного анализа, археолого-почвоведческих исследований (совместно с наиболее квалифицированными российскими специалистами), археолого-этнографических пассажей и т.п., позволивших накопить и ввести в научный оборот огромный объем полноценных источников, проработать их и прийти к оригинальным научным выводам. Новым, в частности, является понимание места создателей раннеаланских укрепленных поселений и могильников II-IV вв. в историко-культурной панораме Кисловодской котловины, проведенное автором (при использовании наработок коллег) от предварительных догадок до обоснованных принципиально новых научных построений. Это позволило более объективно судить о сложном многоэтапном и непрямолинейном пути постепенного формирования государственности со стадией «племенного королевства» у расселявшейся в изучаемом районе аланской племенной группы «аш-дигор», продолжавшегося в течение всего I тысячелетия н.э.

Представляется несомненной практическая ценность работы, выводы которой необходимы для совершенствования содержания учебных курсов, музейных экспозиций, образовательных и просветительских программ. Самостоятельное практическое значение имеет реализованная задача составления иллюстрированного каталога используемых в диссертации памятников.

Исключительно весомо личное участие автора в подготовке диссертации. Д.С. Коробовым осуществлена широкая апробация предварительных положений и выводов диссертации в четырех монографиях, обобщающих и специальных статьях, включая и 24 статьи в изданиях,

рекомендованных ВАК РФ. Диссертант обнародовал положения своих разработок на многих российских и зарубежных научных конференциях, где часто проходило живое заинтересованное обсуждение докладов и сообщений Д.С. Коробова.

Автореферат достаточно емко отражает диссертацию, состоящую из трех томов, первый из которых включает основной текст, состоящий из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы и архивных источников. В томах 2 и 3 содержатся масштабные табличные, графические, иллюстративные и текстовые приложения, а также уже упомянутый каталог используемых в работе памятников.

Во Введении обоснуются цели, уточняются задачи исследования, аргументируются причины того, почему именно Кисловодская котловина выступает научным полигоном для разработки темы диссертации (особые географические условия, степень изученности памятников археологии, показатели чистоты эксперимента). Все выглядит вполне доказательно, помимо того, что слишком категорично представляется заключение о «фактически полном отсутствии населения» в Кисловодской котловине в XIV-XVIII вв. Население в это время в районе действительно сильно сократилось, но не настолько, чтобы считать его отсутствующим, особенно, в XVI- XVIII вв., когда здесь расселялись и занимались скотоводством группы адыгов, ногайцев и абазин.

Хорошее и глубокое знание диссертантом отечественной и зарубежной литературы по теме и смежным областям знаний отражено в главе 1 «Основные этапы изменения теоретико-методических подходов к изучению поселений I тыс. н.э. на Юге России и за рубежом». Понятно, что в автореферате возможно было поместить только «выжимки» из характеристики этой литературы, но они позволили выделить сравнимые направления и «школы» в изучении раннесредневековых поселений Северо-Западной и Юго-Восточной Европы, наполнить их конкретным содержанием. Ничего, при этом, не сказано о попытках первичного изучения поселений

Кавминвод и контактных территорий в дореволюционный период. В связи с этим небезынтересно вспомнить, что небольшие раскопки на Рим-Горе предприняли еще Дюбуа де Монпере (1834) и А.С. Фиркович (1849). Первый план памятника составил в 1889 г. Д.М. Струков. Чуть раньше, в 1885 г. т.н. «тюрьму» здесь копал М.М. Ковалевский, а в районе Хасаута он, едва ли не первый, заметил искусственные террасы и сравнил их с подобными объектами в Англии.

На очень высоком научном уровне выполнено почти пошаговое изложение методики работы с использованием геоинформационных технологий в Главе 2. Даже в рамках реферата этот материал является исключительно полезным для специалистов и последователей Д.С. Коробова в изучаемой области. Недаром ученый уже несколько лет ведет свой собственный научно-практический курс по использованию методов геоинформатики в археологии для студентов МГУ и рекомендует его для других высших учебных заведений (Коробов, 2011).

Квалифицированно и основательно автор подошел к описанию физико-географических и климатических условий Кисловодской котловины (Глава 3), что демонстрирует специальную глубокую работу диссертанта в этом направлении. Выявление, фиксация и частичное изучение памятников Кисловодской котловины всех без исключения археологических эпох и периодов, начиная с энеолита, в процессе сплошных разведок второй половины 1990-х – 2000-х годов позволили Д.С. Коробову создать достаточно объективную картину состава и динамики населения района на протяжении около 7 тысяч лет и четко заметить колебание его численности на различных исторических этапах. Хотелось бы только и здесь посоветовать автору удержаться от высказываний типа «практически полное отсутствие населения» даже для действительно демографически «провального» периода с V в. до н.э. по первые века н.э. (с. 21) и других подобных этапов.

К научным достижением автора (в соавторстве с почвоведом А.В. Борисовым) следует отнести развернутую и стройную концепцию развития

земледелия у доаланского и аланского населения Кисловодской котловины, сформулированную в ходе многолетних почвенно-археологических исследований на памятниках Кисловодской котловины. Многие показатели и характеристики земледелия были открыты только в процессе данных работ. Это же касается и классификации искусственных террас и наделов. Новым и особенно перспективным представляется реализованное стремление автора провести палеомикроклиматическое моделирование зон земледельческой активности в Кисловодской котловине. Этот подход может быть в дальнейшем применен и для других территориально-хронологических ситуаций.

Глубокая и детальная характеристика поселений I тысячелетия н.э. рассматриваемого района приводится в Главе 4. Таким обширным корпусом источников раннесредневековых бытовых памятников на относительно небольшой территории, состоящим из 182 укреплений и открытых поселений и еще около 100 содержащих керамику ресурсных зон, не располагают исследователи ни одного района Северного Кавказа, да и далеко за его пределами. Еще следует подчеркнуть, что 61 объект из этого количества достаточно детально обследован, включая шурфовки и небольшие раскопанные площади. Каждый из видов разделен на 4 класса по их расположению на местности и относительно рельефных образований (мысов, холмов, плато, террас). Выделены две хронологические группы II–IV вв. н.э. и V–VIII вв. н.э. с особенностями структуры, расположения и системы расселения. На сегодняшнем уровне знаний это вывод представляется обоснованным. Немаловажно замечание о том, что в отдельных случаях жизнь на поселениях первого хронологического периода не ограничивалась рамками раннего этапа аланской культуры (II–IV вв. н.э.) и некоторые будущие раннесредневековые поселения могли возникнуть раньше рассматриваемого второго хронологического периода (V–VIII вв. н.э.) и закончить свое существование позже обозначенных временных рамок. Возможно, сейчас данными исключениями можно и пренебречь (с. 28), но в

дальнейшем они должны анализироваться для того, чтобы понять почему и как между этапами произошли достаточно заметные перемены и деградация уровня социального развития, выводы о которых сделал в данной работе Д.С.Коробов.

Основательно разработан и рассмотрен материал о реконструированных сельскохозяйственных угодьях поселений двух хронологических групп, включая пахотные (ближние) и пастбищно-сенокосные (дальние) земли (Глава 5). В этой работе особенно широко использовались ГИС-технологии и компьютерное моделирование. Продуманность методики анализа не дает оснований сомневаться в обоснованности вычисленных средних норм площади пахотных участков на одну малую семью при двухпольном севообороте – 5 га и площади пастбищ с сенокосами – 4 га на одну голову крупного рогатого скота (с. 30).

Эволюция системы расселения в Кисловодской котловине представляется в Главе 6 и в общих выводах работы на более широком хронологическом фоне, чем определено в теме исследования. Затрагивается также ситуация начала II тысячелетия н.э. и приводятся аналогии из более позднего средневекового быта северокавказских горских народов. (балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев). Этому обстоятельству следует дать позитивную оценку, так как оно прямо вытекает из проведенного исследования. Для II-IV вв. реконструируется относительно небольшая территория в рамках небольшой части Кисловодской котловины, освоенная ранними аланами, способная прокормить от 2 до 2,7 тыс. человек. Важно, при этом, что уже тогда предполагается существование как рассеянной, так и концентрированной системы расселения домохозяйств. В работе подтверждено уже не раз высказываемое мнение о широком заселении Кисловодской котловины аланами с конца IV – до середины VIII в.н.э. Ранее говорилось и о том, что в это время застроенная и освоенная под жилье на большинстве поселений площадь не превышала 0,5 га, но выделялись более крупные и плотно застроенные поселения. К ним относилось останцевое

укрепление Горное Эхо, на котором мною (а не И.А. Аржанцевой, как считает автор - с. 33) впервые были проведены расчеты предполагаемого числа строений и количества жителей в пределах 300-400 человек и опубликованы в совместной с И.А. Аржанцевой и А.А. Сычевым брошюре о памятнике (2003). Тогда же было выдвинуто предположение о том, что данный памятник мог являться одной из ставок, известного в византийских источниках аланского «царя» Сарозия (Сародия, Сароя). Диссертант соглашается с вероятностью размещения местного центра политической власти на Горном Эхо. Работами Д.С. Коробова круг крупных памятников данного периода был значительно расширен, что и отражено в тесте автореферата и диссертации.

Особенно интересными являются самостоятельные выводы автора об автономности и ресурсной обеспеченности многих поселений V–VIII вв., а также о, в общем, невысокой степени заселенности и плотности аланского населения в районе, несмотря на многочисленность преимущественно мелких поселений. Хочется подчеркнуть и солидарность с заключениями диссертанта, касающимися характеристики системы расселения позднеаланских племен Кисловодской котловины в X–XII вв.н.э.

Содержащиеся в Заключение работы выводы явно указывают на то, что Д.С. Коробов много смог сделать для изучения и представления динамичной картины начальной и раннесредневековой истории систем расселения и иных социально-экономических процессов в среде аланских племен Кисловодской котловины и их не прямолинейного пульсирующего развития. Ему удалось установить соотношение исследуемых процессов с аналогичным североевропейским опытом общественно-культурной эволюции. Многие из выводов автора перспективны и могут разрабатываться в дальнейшем.

То, что диссертация сопровождается большим иллюстративным и вспомогательным материалом, помещенным в Приложениях (38 статистических таблиц, 31 диаграмма, 281 рисунок и карта,

иллюстрированный каталог поселений Кисловодской котловины I тысячелетия н.э., сопровождаемый 165 таблицами иллюстраций: топографических планов, фотографий, рисунков находок и др.), существенно дополняет ее научную ценность.

Текст реферата написан хорошим с литературной точки зрения доходчивым языком. Имеются лишь очень редкие неточности и опечатки (например, с. 14 в начале 3-его абзаца вместо слова «отстоит» вероятно нужно – «отстает»), несколько не снижающие общего высокого научного уровня исследования.

Данные соображения дополняют указанные выше положительные характеристики работы, выраженные в автореферате. Все сказанное в совокупности позволяет считать, что диссертационный труд Д.С. Коробова является самостоятельным крупным, научно значимым, обобщающим исследованием, соответствующим критериям и показателям работы, выводящей изучаемый материал на качественно новый этап его осмысления и исторической интерпретации. Поэтому автор диссертации вполне заслуживает присвоения ему искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Директор государственного бюджетного учреждения
культуры Ставропольского края
«Пятигорский краеведческий музей»,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ

С.Н. САВЕНКО

357501, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Братьев Бернардацци, 2
+7 (879-3) 33-0851 gbykск.pkm@gmail.com http://museumpsk.wmsite.ru/

16.02.2015

Торжественно заверяю
специально

Савенко С.Н.
кадровый отдел
Савенко С.Н.